

О.М. Савельева

Клара Петровна Полонская и НСО

Аннотация: Автор делится своими воспоминаниями о работе научного студенческого общества на кафедре классической филологии Московского университета.

Ключевые слова: кафедра классической филологии, научное студенческое общество, Полонская, Гаспаров, Аверинцев, Шичалин, Цымбурский

Abstract: The author reveals her memories of the work in the scientific student society of the department of classical philology at Moscow University.

Key words: department of classical philology, scientific student society, Polonskaya, Gasparov, Averincev, Shichalin, Tsymbursky

Многие наши коллеги помнят, что научное студенческое общество (НСО) в течение нескольких десятилетий играло значительную роль в работе кафедры и отделения классической филологии. Вообще подобные объединения были обязательной структурой в университете, они существовали на всех кафедрах филфака и других факультетов – и существуют и сегодня в их традиционном виде. Однако, благодаря именно Кларе Петровне Полонской, это молодое сообщество у классиков стало действительно научным, ярким и полезным. И сейчас студенты, разумеется, занимаются научной работой, но, возможно, стоит рассказать о том, прежнем НСО.

Клара Петровна была куратором НСО кафедры около 35 лет, до ухода из университета по состоянию здоровья в 1992/93 учебном году. Студенческое объединение было организовано ею на кафедре во второй половине 1950-х годов, когда Клара Петровна уже была одним из ведущих преподавателей кафедры и сложившимся специалистом-филологом, плодотворно заявившим себя в исследовательской работе.

С самого его начала научное студенческое общество занимало особенное и важное место в университетской жизни Клары Петровны. Достаточно ясно, что необходимость такой инициативы была подсказана самим процессом преподавания. Но и не только. В том, как Клара Петровна видела содер-

жание этой обязательной (как тогда называлось, «общественной» и часто весьма формальной) работы со студентами, а именно в том, что она с самого начала проводила научную линию, считая ее абсолютно необходимой в подготовке филологов-классиков с их самых молодых лет, явно прослеживаются ее собственная научная устремленность, беспокойство о подготовке студентов к выбранной ими профессии, а также ее энтузиазм и равнодушие к жизни кафедры, о чем говорят ее коллеги, друзья и ученики разных поколений, и, наконец, ее интерес к людям, которые у нее учились.

Клара Петровна была убеждена в том, что студенческие годы не должны быть исключительно «школьными», что нельзя откладывать момент серьезности в изучении античности «на потом», что необходимо смолоду вырабатывать исследовательский взгляд, учиться работать с научной литературой по классике и общему литературоведению. Сама она постоянно работала с новой литературой и прекрасно ориентировалась в методах и течениях современного литературоведения. Возможно, еще и поэтому она сумела превратить достаточно стандартное студенческое объединение в своего рода школу, живую и эффективную.

У нее было неутомимое внимание к интересам студентов, она поощряла желание молодежи проявить себя, выступить с докладом, участвовать в обсуждении чужей-то работы, наконец, даже просто присутствовать, слушать доклад, наблюдать полемику и набираться смелости и решимости для собственного выступления. Нужно признать, что неопределимо важным было и ее стремление помочь молодым обрести ощущение их собственных возможностей в науке.

Однако совершенно нельзя представлять дело так, что Клара Петровна была ангельски добра к каждому, кто выходил с докладом, что по прочтении одного ему следовали исключительно похвалы и комплименты, уверения в талантливости etc. Она была внимательна к докладчикам во всех смыслах, прежде всего, она их, можно сказать, приветствовала, но при обсуждении она становилась не только внимательной, но и придирчивой, а иногда даже и введливой.

Главной особенностью НСО была систематичность научных занятий самих студентов и работы преподавателей с ними по выбранному автору, по конкретной теме.

Деятельность НСО заключалась в следующем. В течение учебного года практически каждый месяц проходили заседания, на которых кто-либо из студентов делал научный доклад, и его приходили слушать студенты (обычно их приобщение начиналось со 2-го или 3-го курсов), кто пожелал из преподавателей (практически всегда приходил Николай Алексеевич, он привнесил живость и страх перед его критикой) и аспирантов, и куратор НСО (сначала это была одна Клара Петровна, потом она предложила автору этих строк присоединиться к ней, и наш дуумфеминат работал в течение 14 лет,

как хотелось бы вспомнить сейчас, в полном согласии и, как правило, близком понимании общих дел). На каждом заседании по теме доклада выступали «оппоненты», один или чаще двое, от студентов и от преподавателей. Такое собрание всегда вел председатель НСО из числа студентов, это была исключительно его прерогатива, а статус председателя¹ вполне можно было признать весьма престижным: это всегда были наиболее яркие студенты, очевидно проявлявшие интерес к античности и науке о ней, способности к научной работе и готовность к развитию. Достаточно сказать, что в корпус председателей НСО кафедры входили Михаил Леонович Гаспаров, Сергей Сергеевич Аверинцев, Игорь Сергеевич Чичуров, Михаил Вадимович Бибииков, Юрий Анатольевич Шичалин, Ирина Игоревна Ковалева, Олег Дмитриевич Никитинский, Андрей Александрович Россиус (хочу попросить извинения, что здесь названы далеко не все) и еще большой ряд замечательных исследователей, известных всем нам.

Михаилу Вадимовичу Бибиикову принадлежит своего рода рекорд: он был председателем НСО дольше всех – с 1969 по 1973 г., причем он занял этот пост в конце своего 1-го курса, и председателем столь юного возраста не было ни до, ни после него. Уже тогда масштабно мыслящий первокурсник при содействии Клары Петровны сразу же пригласил прийти на НСО Аверинцева и Гаспарова. Сергей Сергеевич выступал с докладом «Толкование слова «благодутробный», а Михаил Леонович говорил о Брюсове, о его романах «Юпитер Поверженный» и «Алтарь Победы» (тогда готовился к печати 7-томник). От председателя, от его собственных научных интересов и энергии всегда зависело многое.

Так, «правление» Михаила Бибиикова было отмечено вполне логичным реформаторским начинанием: были проведены три студенческие конференции по византистике.

Кларе Петровне была чрезвычайно дорога идея, чтобы председатели НСО разных лет были знакомы между собой, и это, действительно, помогало сохранить чувство традиции. Однажды Клара Петровна решила собрать всех, кто в разные годы были председателями НСО.

---

¹ Председателя НСО обычно не выбирали, его кандидатуру определяли в результате обсуждения со студентами и коллегами по кафедре. Однако здесь тоже могли возникать непростые моменты. Как факт своего времени, интересен эпизод: когда талантливому юноше, студенту 3-го курса, предложили стать председателем НСО, он поблагодарил и сказал, что должен подумать. Его ответ был отрицательным без объяснения причин, но его внутренние мотивы были достаточно ясны, хотя о них тоже не говорилось: мы уже могли понять, что этот юноша намеревается после окончания университета связать свою жизнь с духовной деятельностью, что он и сделал. Тогда же, в самом начале 1980-х гг., он не мог ни рассказать о своих планах, ни принять предложение кафедры, стремясь, по его собственному разъяснению сейчас, не быть в поле внимания, чтобы не повредить своей цели и во избежание абсолютно возможных неприятностей для кафедры. Таким образом, его решение было наилучшим со всех сторон. Официально он был распределен в издательство, но там его ожидало «чудо»: ставка его была закрыта, и он стал свободен в своих действиях.

Это было высокое и веселое собрание. Аверинцев, Гаспаров, Чичуров, Бибииков, Шичалин живо и с явными ностальгическими интонациями рассказывали о своих студенческих годах и любви к НСО, о том, как они были его председателями. Гостями на той встрече были Георгий Степанович Кнабе, Андрей Чеславович Козаржевский и Виктор Ноевич Ярхо.

После воспоминаний все пили чай с тортом. Вообще чаепитие в конце заседания НСО было установленным делом. Клара Петровна запомнилась радостной и радушной хозяйкой этой встречи, в деталях помнившей студенческие годы тех, кто учился уже давно (каждый знает по себе, как дорога такая память о годах его молодости) и нарядной. Она вообще любила простые, достаточно традиционные и при этом элегантные вещи, мне же особенно нравилась на ней блузка оранжево-терракотового цвета из лучшей в мире ткани – из крепдешина. Такие заседания с приглашением всех председателей НСО состоялись несколько раз.

Обратим внимание на хорошо подтверждаемую закономерность: тех, кто в студенческие годы любил работать в НСО, как правило, ожидало большое будущее. История НСО, пусть даже в устной форме, точно хранит имена тех, кто в свои студенческие годы именно любил заниматься наукой и кого мы теперь знаем как выдающихся филологов, а некоторые из них украсили собой и цех историков. Назовем отдельно имена Михаила Леоновича Гаспарова и Сергея Сергеевича Аверинцева. В свои юные годы всегда с готовностью, умно и ярко с докладами выступали (и они помнят об этом, люди всегда помнят о своих докладах) Маргарита Карпюк, Лев Финкельберг, Галина Петрова, Нина Брагинская, Юрий Шичалин, Вадим Цымбурский, Александр Кузнецов, Михаил Бибииков, Ирина Ковалева, Ольга Левинская, Федор Поляков² (сын Бориса Львовича Фонкича), Ольга Шаталова, Дмитрий Афиногенов, Алексей Солопов, лингвистическая линия настойчиво проводилась Константином Красухиным, а всех здесь назвать невозможно...

Безусловно, важно, что по благоволению истории среди студентов были люди подобного масштаба. Сама Клара Петровна связывала начало работы НСО со студенческими годами Михаила Леоновича Гаспарова, для нее он всегда был Мишей.

Сергей Сергеевич Аверинцев в студенческие годы, судя по всем рассказам, был энтузиастом дела НСО, он не только выступал с докладами, но и начал (в 1960 г.) выпускать стенную газету PHILOMATES, и было ее два выпуска. Редактор выполнял всю работу сам: выбирал темы, подбирал материалы, делал рисунки. В этой студенческой затее проявились и талант, и будущее поле деятельности: он помещал здесь свои переводы из поздних античных и византийских авторов, которые спустя годы были опубликованы в «Памятниках византийской литературы». Несколько листов этой газеты еще

---

² Федор Борисович Поляков закончил классическое отделение МГУ в 1981 г., с 2005 г. – профессор славистики Венского университета.

можно было видеть на кафедре после переезда филологического факультета в «новом», а теперь уже в окончательно старом здании 1-го «Гума», но эти листы, к сожалению, исчезли.

В работе НСО, как сейчас видится, было достаточно свободы, если иметь в виду, что выбор докладчиков, тем их сообщений, приглашение оппонента-студента были делом исключительно самих студентов, их никто не ограничивал в этом. Работа НСО как раз предполагала самостоятельность студентов, начиная с председателя, и их инициативы всегда находили поддержку.

«Оппонента» из числа преподавателей обычно приглашали председатель НСО или куратор. Было принято, чтобы докладчик до заседания представлял тезисы (обычно они коротко обсуждались с куратором), и это позволяло всем, кто хотел, познакомиться с предстоящим сообщением, а кроме того студенты уже в процессе учебы начинали овладевать жанром тезисов. Явственно помнится, с каким тщанием писал и с какой энергией отстаивал тезисы своих докладов Вадим Цымбурский, а он много выступал на НСО (листок-автограф с его тезисами о латинском перфекте еще, возможно, не утрачен), и это было «начало славных дел», та школа, которая позже отозвалась в тезисах его многочисленных захватывающих докладов на крупных научных конференциях.

Об НСО 1980-х гг. нельзя говорить без имени ныне покойного Вадима Леонидовича Цымбурского. Будучи студентом и аспирантом, он много выступал в НСО и любил делать это; его сообщения были посвящены разным темам, в том числе исторической грамматике (латинский перфект), этимологии, но для него, особенно в процессе занятий с Леонидом Александровичем Гиндиным, уже становилась любимой Троянская идея. Всем, кто помнит Вадика, не нужно рассказывать о его исследовательском темпераменте, энергичической манере говорить, отчеканивая слова, особенно в полемических эпизодах. В те годы мы хорошо сотрудничали с НСО кафедры истории древнего мира (куратором был А.Л. Смышляев), и у нас состоялось несколько интересных заседаний. Историки и сейчас помнят бурный, но «высокоспортивный» агон по Троянской теме между Вадимом Цымбурским и Сергеем Перваловым, пересказать который, как утверждают свидетели, невозможно, филологи же остались в убеждении, что победил Вадим.

Александр Евгеньевич Кузнецов также много и с удовольствием (не было никакой необходимости уговаривать талантливых студентов выступить на НСО) делал свои римские сообщения, в частности, особо выделялось его выступление по метрике Горация (тоже поле будущей деятельности: после дипломной работы о *daimonion* у Сократа под руководством Ю.А. Шичалина А.Е. вернулся к главному своему делу – к латинской метрике). Было заседание НСО вполне эпического характера и по сути, и по форме, посвященное «Фастам» Овидия. Доклад делал Вадим Цымбурский, а Александр Кузнецов был содокладчиком (он сам позиционирует себя именно так), имеющим ряд

противоположных тезисов. Оппонентов уже и не приглашали. Народу на заседании, помнится, было немного, но было это заседание многочасовым. Что запомнилось? Ученость обоих студентов, их великолепное владение огромным сочинением и его детальное, можно сказать, дотошное изложение, взаимная корректность диалога и почти полная неуступчивость друг другу. Присутствующие задавали много вопросов и выслушивали компетентные долгие ответы, и всем было интересно. Клара Петровна со всей тщательностью, по пунктам, как она любила, внесла много уточнений и добавлений и отдельно выступила по положениям доклада (вот ее внимательность и строгость при обсуждении), впрочем не предлагая студентам прямо следовать ее точке зрения. Было видно, как она довольна таким погружением в Овидия и что ей нравятся докладчики. Федор Поляков, сокурсник Вадима Цымбурского, много выступал; он умел говорить спокойно, даже мягко, и его обаятельная манера привлекала слушателей, особенно студенток. Федор часто предлагал яркие сообщения герменевтического характера, что было очень полезно. Он хорошо знал литературу, следил за новыми работами, и у него был дар рассказывать о сложной литературе достаточно просто, не упрощая ее, и изложить проблему во всех ее особенностях и глубине. Так, его доклад по книге Ольги Михайловны Фрейденберг «Миф и литература древности» сыграл вполне серьезную просветительскую роль. Нельзя сказать, что ее работы были хорошо известны студентам и понятны им, поэтому возникло много вопросов к докладчику, и была определенная трудность в том, чтобы напомнить ему о регламенте.

Одновременно работа НСО шла в полном согласии с научными руководителями студентов. Их мнение имело решающее значение. Клара Петровна, давая студентам возможность проявить себя в докладах, в обсуждениях и конференциях была сторонницей безусловного авторитета научных руководителей и даже их некоторой власти. Здесь уже действовали и научный регламент, и не менее важный этический, и Клара Петровна проявляла строгость сугубую... Один пример запомнился многим надолго. Студентка 3-го курса решила поехать на конференцию в Ленинградский университет и осуществила свое намерение, не сказав об этом своему научному руководителю профессору Леониду Александровичу Гиндину (он вел на отделении замечательно интересный спецкурс и руководил работами многих студентов) и не посоветовавшись с ним. Сам Леонид Александрович был скорее огорчен, чем возмущен. Клара Петровна же сочла такой стиль работы студентов и подобное отношение к научному руководителю недопустимыми. По возвращении эта студентка, несмотря на очевидные филологические способности и необычайную красоту глаз), выслушала серьезное порицание, пусть даже от столь мало значащей в административном отношении структуры, как НСО кафедры. Трудно вспомнить, было ли применено обсуждавшееся наказание – лишить ее права выступать с докладами на НСО в течение семестра. Вероятно, все-таки нет.

Уже говорилось, что Клара Петровна была очень внимательна к докладчикам и, можно сказать, что она им как-то особенно радовалась. Именно так она встретила доклад Юрия Анатольевича Шичалина на его третьем курсе «Комический катарсис у Плавта» (на третьем курсе работа по римской литературе была обязательной, курс лекций и семинар в течение многих лет вела Клара Петровна). Позже, на четвертом и пятом курсах, Юрий Шичалин занимался переводами из Овидия и Вергилия. М.Л. Гаспаров по просьбе Клары Петровны познакомился с переводами студента и дважды приходил на заседания НСО, чтобы высказать свои впечатления. Он сделал разбор и достоинств, и недостатков переводов, и в целом, как сейчас вспоминает Юрий Анатольевич, «был снисходителен». Позже, уже на основе общения М.Л. Гаспарова со студентами, Ю.А. Шичалину поступило от него предложение сделать перевод Стация для серии «Литературные памятники».

Семинар, который по просьбе Клары Петровны однажды провел М.Л. Гаспаров, на многие годы оставил у присутствовавших на нем незабываемо сильное впечатление. Это был мастер-класс в самом точном значении этого слова. Он был посвящен анализу студенческих переводов из Горация. Студенты третьего курса (курс, где учился Александр Евгеньевич Кузнецов) согласовали с М.Л. (по почте, как он любил) оды, которые они переводили, потом переслали ему свои переводы, и М.Л. пришел и сделал подробнейший анализ каждого из переводов, внося и свои предложения, которые он аргументировал со всей точностью и деликатностью. Запомнилось, что М.Л. был предельно внимателен к каждому переводу и его автору.

Переводы были студенческие, экспериментальные, всем было интересно, как М.Л. отнесется к ним. А.Е. Кузнецов вспоминает, что оду I.2 он перевел четырехстопным ямбом с рифмами, и М.Л. принял это. В тот период студент Кузнецов много читал Ломоносова и Тредьяковского, и для перевода оды III.1 он выбрал силлабический стих, тринадцатисложник, чтобы стилизовать манеру XVIII в. (сам А.Е. сейчас называет этот выбор «диссидентством»). Гаспаров же, хотя предложенный вариант был не в духе любимой им идеи создания в переводе иллюзии аутентичного стиля, заинтересовался им, и осталось впечатление, что он воспринял перевод вполне позитивно. Вообще М.Л. не давал прямых оценок переводу в целом – в процессе анализа он одобрял или не одобрял выбор того или иного слова, синтаксического оборота и т.п.

И на этот раз «школа перевода» НСО дала возможность сотрудничества с великим филологом: через несколько лет М.Л. пригласил А. Кузнецова участвовать в издании Апулея (серия «Библиотека античной литературы. Рим») с переводом «О божестве Сократа». Для всех, кто присутствовал на том семинаре 1980 г., он остался образцом блестящего филологического мастерства и дидактического искусства.

Осенью 1984 (или 1985) года на заседании НСО выступал Сергей Сергеевич Аверинцев. Он всегда откликался на приглашения от НСО кафедры,

большая занятость не позволяла ему прийти к студентам в короткие сроки, но С.С. всегда помнил о своем обещании и обязательно выполнял его при получившейся у него возможности. Так, тему того заседания он назвал сам: рассказ о Конгрессе, посвященном Вергилию и прошедшем в Мантуе осенью 1981 г. За это время вышла его замечательная статья «Две тысячи лет с Вергилием» (по тезисам доклада в Мантуе), но С.С. справедливо решил, что это не отменяет его рассказа, пусть даже и по прошествии времени после конгресса. Заседание было немногочисленным, всех удивило, что С.С. немного волновался перед своим выступлением. Оно было очень живым и даже, можно сказать, непосредственным. Главной была тема Вергилия и его присутствия в мировой культуре. Но С.С. рассказал и о себе в связи с тем Конгрессом: мы узнали, что изначально он намеревался делать доклад на Конгрессе на немецком языке, но уже в Мантуе, беседуя со своим итальянским коллегой и другом, он услышал от него пылкое и настоятельное «нет! нельзя, чтобы доклад о Вергилии любимый русский друг делал по-немецки! только по-итальянски!» Аверинцев сказал, что он прислушался к этому призыву и всю ночь переводил свой доклад на итальянский, с этим текстом он и выступал. На нашем заседании студенты явно робели перед С.С., и после выступления вопросов к нему было немного, а гость явно хотел, чтобы именно студенты спросили его о чем-нибудь, его интересовало умонастроение молодежи; спасти положение пытался председатель НСО, тогда им был Андрей Россиус, и это ему частично удалось.

Сергей Сергеевич же после доклада позвонил с кафедры домой и во всеуслышание сказал, что он выступил плохо и что, кажется, он провалился... После этого за традиционным чаем студенты оживились, а преподаватели (хорошо, что был Николай Алексеевич) в беседе с С.С. «утешали» его, благодарили, а вообще-то любовались им.

О таких встречах необходимо вспоминать (крайне жаль, что они не были записаны), но, вероятно, нет необходимости говорить, сколь важными они становились для студентов и для всех, кто присутствовал на них.

Здесь есть существенный момент: те, кто принимал участие в заседаниях НСО, – уже известные ученые, не работавшие в университете, – в течение многих лет были дружны с Кларой Петровной, любили и уважали ее. Они приходили к студентам по ее приглашению, всегда с готовностью откликаясь на просьбу выступить перед студентами.

Так же происходило и с выездными практиками в Ленинграде и в Херсонесе, которые были инициированы Кларой Петровной. Она была лично хорошо знакома с Александрой Ильиничной Воцининой³, с Евгенией Эдуар-

---

³ Александра Ильинична Воцинина (1905–1974) – кандидат искусствоведения, историк античного искусства, выдающийся специалист по римскому портрету и этрусско-италийским древностям. В течение многих лет – сотрудник античного отдела Государственного Эрмитажа. В 2005 г. ее имя было внесено в список граждан, внесших значительный вклад в исто-

довой Гранстрем⁴, и лекции, которые наши студенты слушают сейчас, начинались с этих выдающихся людей. Однажды Александра Ильинична Вощина после занятий по римскому портрету сказала, что лекцию по античной камее она попросила прочитать своего ученика и аспиранта, потому что он сделает это лучше, чем она. Ученик и аспирант, казавшийся немного мешковатым и мрачным, действительно, блестяще говорил о камеях Эрмитажа. Так московские классики познакомились с Олегом Яковлевичем Неверовым, и он много лет читал лекции московским студентам, часто отсылаясь к той просьбе Александры Ильиничны.

Помнится, как светски-любезно и дружески-радостно встречал Клару Петровну и ее студентов Николай Николаевич Розов⁵, и дальше следовала прекрасная лекция, рукописи, и при этом делалось исключение: многие документы, которые вообще не демонстрировались, студентам-классикам показывали, а иногда даже разрешали подержать в руках. Безусловно, организация практик отнюдь не являлась личным делом Клары Петровны, но ее дружеские отношения оказались здесь чрезвычайно важными и для дела, и для общей атмосферы, и для начала традиции.

Кларе Петровне всегда были присущи профессиональный интерес и уважение к ленинградской школе, она высоко ценила труды Ольги Михайловны Фрейденберг, и у нее был совершенно особый пиетет к Иосифу Моисеевичу Тронскому.

Все возможные результаты научной работы студентов фокусировались в апреле на традиционной конференции «День науки», в которой по нашей кафедре обычно было довольно много участников, и заседания проходили два или – иногда – три дня. В нашей секции часто выступали классики из Ленинграда, из Вильнюса, из Тбилиси. Трех лучших докладчиков награждали Ломоносовской грамотой МГУ.

Мнение, сложившееся в результате выступлений на НСО, и особенно на апрельском «Дне науки», приобретало весьма серьезное значение. Оно оказывалось важным для самого докладчика, для его руководителя, и это уже

рию России и Санкт-Петербурга. Нельзя не сказать о ее сестре Екатерине Ильиничне, известной детской писательнице, филологе, преподавателе Санкт-Петербургского университета, с 2007 г. она была активным блогером ЖЖ (скончалась 16 сент. 2010 г. на 102 году жизни; *e-voschinina.livejournal.com*). Сестры Воцинины происходили из дворянской семьи. Их отец Илья Константинович Воцинин (1879–1912) закончил Царскосельский лицей в 1899 г. (50-й выпуск), был чиновником по земским и городским делам.

⁴ Гранстрем Евгения Эдуардовна (1911–1991) – византист, славист, выдающийся палеограф. В течение многих лет была хранителем греческих рукописей ПБ, а также преподавала на историческом факультете Ленинградского университета (кафедра византиноведения). Е.Э. Гранстрем была учителем Бориса Львовича Фонкича.

⁵ Розов Николай Николаевич (1912–1993) – известный палеограф, заведующий отделом рукописей Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Его жена, филолог-классик, эллинист, профессор Ленинградского / Санкт-Петербургского университета Наталия Александровна Чистякова и Клара Петровна Полонская много лет были близкими друзьями.

нельзя было убрать из *curriculum* студента, да и трудно вспомнить, чтобы кто-то стремился проигнорировать высказанные пожелания и критику. Были случаи, и их не так мало, когда люди, не достигнув искомым впечатлений и результатов, даже меняли свое научное направление. Так, способная, успешная в учебе и достаточно самолюбивая студентка, доклад которой по Эхилу не получил одобрения у сообщества, полностью изменила тип своих занятий и обратилась к латинистике, что, как ясно сейчас, оказалось правильным и принесло ей удачу.

Наш коллега, профессор-эллинист, с некоторым недоумением и улыбкой, но и с долей горечи помнит, как после доклада на третьем курсе об этимологии слова *hybris* его упрекнули во фрейдизме, и у него до сих пор есть сомнение, а был ли там фрейдизм?

Студентов во время апрельских конференций, кроме собственно научной стороны, волновал вопрос, состоится ли поездка в Тбилиси? Сотрудничество Московской и Тбилисской кафедр, включавшее поездки преподавателей, участие в знаменитых Тбилисских конференциях, оппонирование диссертаций и т.п., было особенно активным в годы заведования профессором Акакия Владимировича Урушадзе⁶ и позже, когда кафедру возглавил академик Рисмаг Веняминович Гордезиани. Разумеется, поездка в Тбилиси по результатам «Дня науки» была для студентов самым ожидаемым призом и поощрением. Эти путешествия проходили в самой дружеской атмосфере, в Грузии, по всем ее прекрасным обычаям, наших студентов принимали радушно и заботливо, особенно внимательно опекали девушек и разрешали им ходить по городу только в сопровождении кого-то из грузинских студентов.

Немного жаль, что в рассказе об НСО появляется оттенок модальности «НСО, которое мы потеряли», – хотелось бы думать, что такая интонация возникает просто как дань моде. Лучше всего ни о чем не сожалеть. Студенты, как уже говорилось, сейчас тоже с увлечением занимаются научной работой, ежегодная апрельская конференция «Ломоносов» привлекает массу людей, по ее результатам у студентов и аспирантов появляются публикации в солидном издании, бывают поощрения и в денежном выражении.

---

⁶ Эпизод, который остался для нас забавным, мог бы стать очень серьезным, если бы не вмешался случай. Группа студентов, которую наша кафедра направляла в Тбилиси, как всегда, включала лучших докладчиков на апрельской конференции и еще несколько успешных студентов, в качестве руководителя с ними должна была поехать аспирантка Елена Дружинина (Е.Ф. Шичалина). Все было совершенно готово к поездке, все бумаги, включая обращение к заведующему кафедрой, были подписаны, как положено, у нас на кафедре и на факультете. Однако, когда автор этих строк позвонил Елене Дружининой уже перед самым отъездом студентов, чтобы уточнить какие-то детали, по телефону ответил ее отец, Федор Серафимович, и практически сразу, после нескольких слов, стал неудержимо смеяться (очень красивым голосом) и наконец объяснил причину своего веселья: он случайно увидел, что в бумаге, направляемой в Тбилиси, стояло «Глубокоуважаемый Акакий Акакиевич!». Бумаги были переделаны, а случай в лице Ф.С. спас нас... Федор Серафимович Дружинин (1932–2007) – выдающийся музыкант, знаменитый альтист, профессор Московской консерватории, где в течение многих лет заведовал кафедрой альтя и арфы.

Причины, по которым НСО в том виде, как о нем появился повод рассказать в память Клары Петровны, ушло в прошлое, проистекают, вероятно, из его же – НСО – достоинств. Методичность и постоянность этой работы в течение всего учебного года; ее скромный и даже архаичный характер; открытость работы каждого для тех, кому она стала интересна; презентация своей темы вовсе не один раз в году (и не раз в пять лет), а отсюда – тяжкий *onus representandi*, наконец, осязаемая «агональность» этой деятельности – все это вполне может вселить страх, страх подготовить текст и выступить с докладом, собраться с мыслями и ответить оппонентам etc. Присоединим сюда и фактор подконтрольности, не решавший дело, но всегда присутствовавший рядом со свободой. Возможно, время перемен (не хотелось бы списывать на него все, включая НСО) все же отразилось в том, что для выполнения дел, которые можно было считать обычными, просто не хватало сил.

Самым трудным стало обнаружить студента, который бы стремился сделать доклад, хотя нельзя сказать, что таких выступлений не было, но все больше усиливалась тенденция делать доклады один раз на конференции в апреле. Регулярные же заседания назначались редко и все больше переходили в жанр с приглашением гостя. К нам с готовностью приходили известные и интересные ученые. Были полезнейшие встречи с С.С. Аверинцевым и М.Л. Гаспаровым. Александр Львович Доброхотов редкостным образом сумел увлечь студентов рассказом о Мартине Хайдеггере. Рассказ известного археолога Александра Александровича Масленникова о раскопках его экспедиции в Пантикапее произвел такое сильное впечатление, что летом туда поехали наши студентки, они были очень довольны, а скептически настроенные археологи убедились, как полезно участие филологов в экспедиции: тогда и найденные надписи читать легче. В начале «нулевых» годов мы условились, что куратором НСО станет А.Е. Кузнецов. Студенты собираются на заседания по интересующим их темам, часто близким к историческим реалиям и потому очень живым. Председателями НСО в последний период были Елена Цыпилева, Полина Одинокова и Анна Попова, запомнились сообщения Елизаветы Щербаковой и Алексея Жаворонкова. Организацией конференций «Ломоносов» по классике успешно занималась Елена Цыпилева в союзе с советом молодых ученых филологического факультета.

Хочется надеяться, что среди устремленных в классфилологию юных людей всегда есть яркие и талантливые⁷.

p.s. Немного о Кларе Петровне без НСО. Я помню ее с уважением и теплым чувством. Она уговорила, точнее сказать, заставила меня обсудить на кафедре кандидатскую диссертацию, которую я практически написала и по-

---

⁷ В этом рассказе о Кларе Петровне и НСО не приведены многие факты и не названы многие люди, и я прошу извинения за эти упущения. Одновременно я сердечно благодарю всех коллег, кто помог мне сделать важные и необходимые уточнения.

ложила на книжный шкаф, из лени не сделал все до конца. На доводы моего научного руководителя, Олега Сергеевича Широкова, что необходимо полностью завершить работу, у меня был готов ответ, что ВАК закрыта, что все ждут реформ и что сейчас лучше подождать. Клара Петровна в кратком разговоре как-то очень быстро убедила меня в том, что нужно назначить обсуждение моей работы на кафедре и за время до этого заседания все закончить; она сразу же повела меня к Азе Алибековне, которая назначила дату моей предзащиты и рецензентов. Я приступила к делу, закончила диссертацию, состоялось ее обсуждение, потом защита. Благодаря Кларе Петровне я прочитала роман Набокова «Дар», который читать в Советском Союзе в начале 1980-х гг. было нельзя⁸, а также столь же невозможные тогда для чтения «Пастернак – Фрейденоберг. Письма и воспоминания» и книгу Ариадны Эфрон. Эти книги не случайно оказались у Клары Петровны. Она была человеком широких интересов, с аналитичным и критическим взглядом. Бесконечно любя свою работу, она не замыкалась на проблемах античности и классической филологии, напротив, она воспринимала их и судьбу людей в этой профессии сквозь призму времени.

Клара Петровна достаточно полно испытала на себе власть своего времени, но в памяти не осталось ее подробных рассказов о себе, о жизни ее семьи, кроме одного эпизода. В разговоре на кафедре однажды она вспомнила, как в ответ на ее просьбу об улучшении жилищных условий ей ответили, что это невозможно, поскольку у нее неполная (или «неполноценная») семья: она жила тогда с матерью и с сыном. Даже через много лет (а такое обращение она делала около 1965 г.) чувствовалось, как сильно она была травмирована и данным ей объяснением, и собственным рассказом. Дело в том, что муж Клары Петровны, Николай Трофимович Дорошевич, летом 1941 г. ушел на фронт рядовым по призыву, хотя имел право на офицерское звание (до этого он уже служил в армии и имел высшее образование) и погиб 5 марта 1942 г. (их сын Александр родился 4 марта 1941 г.). Николая Дорошевича, парторга историко-филологического факультета, редактора стенной газеты всегда вспоминали в связи с датами Великой Отечественной войны, с праздниками Победы и называли любимцем ИФЛИ. Об этом в своих воспоминаниях пишут ифлийцы.

---

⁸ Для того чтобы хотя бы немного пояснить молодым людям ситуацию тех лет, можно вспомнить обращение акад. Петра Алексеевича Николаева на собрании филологического факультета. При большом стечении народа он, вероятно, несколько иронически советовался с коллегами, как ему поступить? Что ответить на записки студентов: «Профессор, читали ли Вы роман Набокова “Дар”?» «Если я отвечу, что не читал, – говорил П.А. Николаев, – то ко мне на лекции больше никто не придет, а если я отвечу, что читал, то вряд ли я смогу прийти и читать лекции». П.А. не получил ответа.

Сведения об авторе:
Ольга Михайловна Савельева,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Olga Saveljeva
Candidate of Philological Sciences
Docent
Philological Faculty
Moscow State Lomonosov University